

**«Генрих Альтшуллер (Г. Альтов) - научный фантаст»**

Теория изобретательства немислима без идеи ИКР - идеального конечного результата. Сейчас это представляется очевидным, а полвека назад нуждалось в аргументации и четких доказательствах. Генрих Саулович Альтшуллер был первым, кто ввел в изобретательское творчество понятие идеала и, будучи человеком последовательным, не мог не сделать и следующего шага - описать идеал методами литературы. К счастью для читающей публики, автор методики изобретательства обладал не только талантом технического предвидения, но и талантом литератора. Так в 1957 году родился писатель-фантаст Генрих Альтов, а в советской фантастике возникло новое направление, которое можно назвать научно-технической фантастикой дальнего прицела.

Фантастика Альтова была самой интеллектуальной, самой насыщенной новыми идеями и самой трудной для чтения. Это были тексты, плотные, как недра нейтронной звезды. Идеи писателя Альтова, подсказанные создателем ТРИЗ Альтшуллером, опережали время на десятки или сотни лет, но были убедительны, красивы и точны. Такой фантастики в СССР еще не писали. Такой фантастики в СССР не писали и потом. Ни в СССР, ни впоследствии в России, ни в других странах. Идеи – товар штучный. Только автор, владеющий инструментарием ТРИЗ, способен работать в том режиме, в котором работал писатель-фантаст Генрих Альтов. И только Генрих Альтов, единственный среди фантастов того времени, владел инструментарием ТРИЗ.

Первый фантастический рассказ Г. Альтова «Икар и Дедал» был опубликован в журнале «Знание-сила» (№ 9, 1958). Это была не просто новая версия древнегреческого мифа – небольшой рассказ стал гимном науке, астронавтике, но главное – гимном человеку-исследователю (да и написан рассказ был в стиле, близком к оде или гимну).

Первым «твердым» (как сейчас говорят) научно-фантастическим рассказом Г. Альтова стало «Подводное озеро» («Техника-молодежи», № 3, 1959). Рассказ этот можно считать своеобразной заявкой на открытие. Литературная сторона осталась на втором плане, автора интересовала придуманная им идея существования глубоко под водой огромных «пузырей» нефти, своеобразных подводных месторождений. Оставаясь по форме близким к аналогичным рассказам так называемой фантастики ближнего прицела, «Подводное озеро» отличалось от опусов тогдашних популярных авторов Немцова или Сапарина, как реактивный истребитель –

от самолетов братьев Райт. Реактивный самолет *качественно* отличается от винтового. Идея подводного месторождения также несла в себе *новое качество* – в отличие от немцовских электрических тракторов или миниатюрных телекамер.

И тогда, и позднее Г.Альтов не уставал повторять не столько для читателей фантастики, сколько для ее авторов: новая научно-фантастическая идея должна быть новой качественно, должна принципиально менять прототип, а не вводить усовершенствования типа еще одного мотора в автомобиле или уменьшения размеров радиоламп.

Г.Альтов стремился – и в техническом творчестве, и в фантастике – к идеалу (идеальной машине, идеальной идее, идеальному рассказу), понимая прекрасно, что идеал недостижим без качественных скачков. Идея подводного нефтяного озера была качественно новой фантастической идеей, и это определило успех рассказа, несмотря на недостаточную художественную разработанность. Но эта идея была качественно новой независимо от литературной формы, что делало ее не только (и не столько) фантастической, сколько прогностической – к такому же типу прогностических идей принадлежали, например, предсказание алмазных месторождений в Сибири, сделанное И. Ефремовым в рассказе «Алмазная труба», или предвидение голографии в его же рассказе «Тень минувшего».

В фантастике было очень мало действительно прогностических идей (сейчас их, к сожалению, больше не стало). Научная фантастика Г. Альтова, начиная уже с «Подводного озера», отличалась тем, что в ней была чрезвычайно велика доля именно таких идей – идей-изобретений, идей-открытий, в отличие от идей-рацпредложений, весьма в то время популярных. Г. Альтшуллер схематично разделил все изобретения на пять классов. Применительно к фантастике можно сказать, что идеи фантастики ближнего прицела (Немцов, Сапарин, Охотников) – это изобретения первого или (в лучшем случае) второго уровня. Научно-фантастические идеи Г. Альтова – идеи изобретений или открытий четвертого или пятого уровня.

Первый сборник научно-фантастических произведений Г.Альтова «Легенды о звездных капитанах» (Детгиз, 1961) давал достаточно полное представление об авторе не только как о творце качественно новых идей, но и как о незаурядном литераторе со своим, легко узнаваемым стилем. Этот стиль, романтически возвышенный, в отличие от бытовой приземленности тогдашней советской фантастики, позволил Г.Альтову дать адекватное воплощение создаваемым им идеям.

Формально можно сказать, что «Икар и Дедал» – тоже всего только иллюстрация древнегреческого мифа. На самом деле миф, перенесенный в

межпланетное пространство, приобрел не только новые обертоны, но дал начало мифологии будущего, породив по сути новое направление в советской фантастике. В дальнейшем мифы, легенды, сказки многократно использовались фантастами, причем довольно часто без переосмысления: древний сюжет формально пересказывался на фоне будущего. Между тем, читая «Икар и Дедал», «Огненный Цветок», «Сверхновую Аретина», не только ощущаешь романтику межзвездных полетов, но и понимаешь, насколько эти полеты будут отличаться от всего, что нам было известно и что мы привыкли читать о путешествиях и приключениях. Альтовские звездные капитаны Икар и Дедал вознамерились «всего-навсего» пролететь сквозь звезду, и это потребовало не только их личного мужества (безумного у одного и рационального у другого), но и создания хотя бы на уровне идеи космического корабля качественно нового типа, способного выдерживать температуры звездных недр.

В то время Г. С. Альтшуллер уже сформулировал главные приемы, с помощью которых алгоритм изобретений позволял устранять технические противоречия. И естественно, писатель-фантаст Г.Альтов взял эти приемы на вооружение. Однако нельзя было механически переносить в литературу приемы, оправдавшие себя в изобретательском творчестве. Цель писателя, работающего в поджанре прогностической фантастики: придумать КАЧЕСТВЕННО НОВУЮ идею. Как нужно модифицировать прием, чтобы он «работал» в фантастике так же эффективно, как в изобретательстве? Один вариант: изменять ту или иную характеристику выбранного объекта, пока не произойдет качественный скачок и не возникнет качественно новая идея. И вариант второй: выбрать для изменения такой объект (явление, ситуацию), который, по общему мнению, изменению не подлежит вообще.

В рассказе «Богатырская симфония» содержится прогностическая научно-техническая идея межзвездного возвращаемого корабля-автомата, в рассказе «Полигон "Звездная река"» – идея не просто прогностическая, но революционная по сути. В данном конкретном случае речь идет о самом простом и популярном приеме – приеме увеличения. Отличие от произведений Немцова и др. – в том, к каким объектам прием применялся. В фантастике середины пятидесятих годов прошлого века элементарные приемы (увеличение, уменьшение) авторы применяли к простым объектам вроде тракторов, нефтяных скважин и пр. Г. Альтов использовал эти приемы для изменения объектов, которые представлялись принципиально неизменяемыми (впоследствии этот прием «изменить неизменяемое» вошел в число приемов развития творческого воображения).

В качестве объекта, подлежащего увеличению, в рассказе «Полигон "Звездная река"» была избрана мировая постоянная – скорость света. Скорость света неизменна в любой системе отсчета, – таков основной принцип частной теории относительности. Увеличим эту скорость! «Если свет излучается в очень мощном импульсе, – утверждает герой рассказа, – то скорость пучка может намного превысить стандартные 300 тысяч км/сек».

Предложить безумную идею, пользуясь методами изобретательства, достаточно просто. Но Г. Альтов писал не фантастику для фантастики, создавал не идеи ради идей – он пытался ПРЕДВИДЕТЬ будущие открытия и изобретения, и потому безумие его идей должно было иметь определенные особенности, чтобы определить их принципиальную осуществимость в будущем.

В рассказах первого периода (конец пятидесятых - начало шестидесятых годов) Г. Альтов только нащупывал пути создания принципиально новых прогностических идей, как и путь создания собственного литературного героя. Путь этот был пройден к середине шестидесятых. Именно в те годы окончательно сформировался типичный альтовский герой: ученый или инженер, работающий на том рубеже, где наука – фантастическая! – переходит грань фантастики. Иными словами, речь идет как бы о двойном прогнозе. Во-первых, прогнозируется состояние науки и (или) техники будущего, причем зачастую весьма далекого – ведь для того, чтобы убедительно изобразить своего героя на его рабочем месте, Альтов должен был представить, чем именно он будет заниматься, рассказать о тех открытиях и изобретениях, которые будут сделаны «до» того, как за дело возьмется литературный персонаж. Это – передний край науки и техники будущего. А потом приходит придуманный Альтовым инженер или ученый – и на этом уже фантастическом фоне делает важное изобретение или открытие, еще дальше продвигающее фронт науки или техники.

Таков Зорох, командир звездолета «Дау», герой рассказа «Порт Каменных бурь» (1965). Он молод, талантлив и смел. Но его смелость – «инога, высшего порядка», это не только (и даже не столько) преодоление страха перед физической опасностью, но преодоление страха перед тем принципиально новым, неизведанным, непонятным, что ждет человека в космосе. «В космосе нас ждет Неведомое», – писал Станислав Лем в «Солярисе», но персонажи этого замечательного романа не выдерживают испытания. Гибарян кончает с собой, Сарториус сходит с ума, Кельвин возвращается на Землю с расстроенной психикой... Лишается рассудка, а затем и жизни, не выдержав груза принципиально новых знаний, герой повести Фреда Хойла «Черное облако».

Зорох, альтовский персонаж, противопоставлен героям Лема и Хойла – он встречается с Неведомым и побеждает, раскрыв тайну Порта Каменных Бурь. Идея Зороха: Порт – это механизм, противодействующий разбеганию галактик.

Были ли в фантастике середины прошлого века идеи, более масштабные и, тем не менее, столь убедительно аргументированные? Их можно пересчитать по пальцам – «Черное облако» Хойла, например, или идея о существовании разумных галактик, вскользь упомянутая в «Магеллановом облаке» Лема. Альтовский герой говорит о том, что высокоразвитые цивилизации должны объединить усилия и создать эффективный метод, способный остановить разбегание Вселенной.

Для противодействия этому самому разрушительному в мироздании процессу цивилизации должны объединить усилия, – Зорох в этом убежден. И как следствие, возникает еще одна красивая и прогностическая идея, объясняющая распределение в Галактике давно известных астрономам шаровых звездных скоплений.

«Потребовалось всего несколько тысячелетий, чтобы от бронзового топора перейти к космическим кораблям. Кто усомнится, что еще через двести или тысячу лет мы будем управлять движением Солнца?

Не переговариваться, сидя на своих "островках", а объединяться в огромные звездные города – такова единственная возможность. А потом направлять шаровые скопления, эти звездные города, к центру Галактики, чтобы взяться за решение еще большей задачи – сближению разделенных бездной галактик».

Обычно фантастический рассказ содержит не больше одной новой идеи – чаще фантасты вообще обходятся без новых идей, эксплуатируя уже известные. В рассказе «Порт Каменных Бурь» новых идей столько, что хватило бы на большой роман. Вот еще одна: квазары (эти объекты были открыты всего за два года до публикации рассказа, и о природе их было известно чрезвычайно мало) – это работающие двигатели удаляющихся от нашей Галактики звездолетов...

Далеко не всегда персонажи Альтова – люди далекого будущего. Действие рассказа «Ослик и аксиома» (1966) происходит в наше время – точнее, в ближайшем по отношению ко времени написания рассказа будущем. Тем не менее, идеи, выдвигаемые героем рассказа, столь же принципиально новы и убедительны, как идеи Зороха. Идея универсального ферромагнитного материала, к примеру, практически наверняка будет претворена в жизнь по той простой причине, что она, во-первых, не противоречит известным законам физики, а во-вторых, сулит при

осуществлении переворот в технике: появление универсальных агрегатов, способных по желанию пользователя принимать любую форму – фрезерный станок за считанные минуты превратится в автомобиль, а автомобиль, если в нем отпадет необходимость, будет быстро превращен в любую другую конструкцию.

Интересна судьба другой идеи, содержащейся в рассказе «Ослик и аксиома». Антенна, герой рассказа, рассуждает о том, каким может быть звездолет, и предлагает идею: пусть корабль летит, «подгоняемый» мощным лучом лазера, расположенного в Солнечной системе. «По мере развития квантовой оптики будет увеличиваться мощность, которую способны передавать лазеры. К тому же для разгона или торможения корабля — одного только корабля, без этих колоссальных запасов горючего — потребуется не так уж много энергии». Луч лазера будет, по идее Альтова, не просто разгонять корабль, но и передавать на борт информацию. Связь с родной планетой будет поддерживаться во время всего полета.

Пять лет спустя аналогичную идею выдвинул советский физик А. Канторовиц – он предложил использовать лазеры для выведения на орбиту тяжелых искусственных спутников. А еще через два года группа физиков из Физического института имени П. Н. Лебедева дополнила идею конкретными расчетами, а в 1986 году американский физик Роберт Форвард опубликовал теоретическую работу, в которой изложил концепцию полета к звездам на луче квантового генератора – лазера или мазера. О рассказе Г. Альтова, конечно, никто из них не вспомнил.

Не вспомнили автора идеи и недавно, когда российский предприниматель Юрий Мильнер и известный физик Стивен Хокинг представили свой проект Breakthrough Starshot: в ближайшие 20-30 лет отправить к Альфе Центавра автоматический звездолет массой всего в несколько граммов и разогнать этот аппарат с помощью мощного лазера – именно так, как предлагал Г. Альтов полвека назад.

\*\*\*

О необычном использовании лазера Г. Альтов писал и раньше. Вместе с Валентиной Журавлевой он опубликовал в 1962 году статью «Путешествие к эпицентру полемики». Это сконструированный по всем правилам науковедения анализ знаменитой Тунгусской проблемы. По мнению авторов, над тунгусской тайгой ранним утром 30 июня 1908 года выделилась энергия лазерного луча, посланного к Земле из планетной системы звезды 61 Лебеда.

Гипотеза о происхождении Тунгусского феномена, предложенная Г.Альтовым и В.Журавлевой, до сих пор не доказана, но и не опровергнута,

как, впрочем, остаются недоказанными и непровергнутыми многие идеи, выдвинутые учеными и фантастами в попытках объяснить события, произошедшие в сибирской тайге. Гипотеза о лазерном луче с 61 Лебеда – одна из перспективных.

Чрезвычайно интересны идеи и других рассказов Альтова, опубликованных в шестидесятых годах: это «Опаляющий разум», «Создан для бури», «Клиника “Сапсан”» и другие. Каждая из идей – новое слово в технике, сказанное запоминающимися альтовскими героями, романтиками и первопроходцами.

Последним крупным произведением, опубликованным Генрихом Альтовым в жанре научной фантастики, стала незаконченная повесть «Третье тысячелетие» (1974). Можно только догадываться, какой была бы эта повесть, будучи дописана. Опубликованные отрывки дают лишь некоторое представление об авторском замысле – предполагалось дать широкую картину науки и техники XXI века.

Эйнштейн говорил о правильных научных идеях, что они непременно должны быть красивы. Некрасивая идея не может быть правильной. То же – в научной фантастике. Идея ускорения света («Полигон "Звездная река"») – красивая идея, и потому, несмотря на кажущуюся антинаучность (изменение мировой постоянной!), эта идея когда-нибудь окажется предметом обсуждения на научных конференциях. Чрезвычайно красива и одна из основных идей «Третьего тысячелетия» – создание в плоскости эклиптики газо-пылевого диска. Разумеется, это дело отдаленного будущего, когда человек сможет оперировать энергиями, способными превратить в газ и пыль большую планету типа Юпитера. В пространстве между планетами возникнет атмосфера, воздух, достаточно плотный, чтобы в нем летали обычные реактивные самолеты и даже воздушные шары.

Представьте путешествие от Земли к Марсу на воздушном шаре. Или грозу, разразившуюся в космосе. Молнию, бьющую на миллионы километров – от одной межпланетной тучи до другой. Об этом мы прочитали бы в повести «Третье тысячелетие», будь она дописана...

После 1974 года, однако, Генрих Альтов почти не публиковал научно-фантастических рассказов – у Генриха Сауловича Альтшуллера не оставалось времени на фантастику, все силы пришлось отдать работе по созданию теории сильного мышления..

Свою долю критики Альтов, однако, получить успел. Когда был опубликован рассказ «Порт Каменных Бурь», на Г. Альтова со страниц газеты «Известия» обрушился известный в те годы философ, академик В. Францев. Дело в том, что герой рассказа Зорох, живущий при коммунизме,

имел дерзость задуматься над тем, какая общественная формация придет коммунизму на смену. Все развивается – значит, и коммунизм не может быть последней точкой в истории человечества. Так что же будет *потом*?

Ответа Г. Альтов не дал, но вопрос поставил. По тем временам и это было кощунством. После критической статьи в центральной газете авторам часто закрывали дорогу в издательства. Альтов, однако, продолжал писать, как считал нужным. Кстати, он не считал нужным для фантастики заниматься социальной критикой и показывать властям, как он говорил, «кукиш в кармане».

– Государственный строй таким образом не изменишь, – говорил он, – а научной фантастике только навредишь. Перепугавшись намеков, начальство вообще прикроет эту область литературы – от греха подальше.

Как в воду глядел...

\*\*\*

Принято считать, что в рассказах Г. Альтова главными персонажами были научно-фантастические идеи, а люди играли роли второго плана и, в отличие от идей, не запоминались. Принято считать, что Г. Альтов утверждал: главное в фантастике – это идеи, все остальное несущественно.

Мифы живучи, но это мифы. Г. Альтов никогда не говорил, что люди в фантастике – ничто, а идеи – все. Он утверждал, что хорошая фантастика немыслима без новых идей, и разве это не так на самом деле? Разве может запомниться персонаж, изрекающий банальности, повторяющий то, что до него уже сотни раз говорили другие, или совершающий все те же, всем известные, подвиги?

– Персонаж не может быть умнее автора, – говорил Генрих Саулович, – и сколько бы автор ни называл своего героя гениальным ученым, достаточно прочитать, что этот «гений» изрекает, и становится понятно, что «новую теорию мироздания» автор вычитал в журнале «Знание-сила».

– Новая научно-фантастическая идея – это каркас, без которого невозможно построить здание рассказа, – говорил Г. Альтов. – Но один лишь каркас – не дом, жить в нем невозможно. Хороший фантастический рассказ не получится, если у автора нет сверхзадачи, если ему, как личности, нечего сказать читателю. Зачем взялся за перо? Чтобы рассказать о замечательной идее? Тогда напиши научно-популярную статью, при чем здесь литература?

– Если реалистическая литература – человековедение, – говорил Г. Альтов, – то фантастика – мироведение. Писателю-реалисту достаточно изобразить характер и отразить реальность. Фантаст должен создать свой мир, свою Вселенную.



– И еще в рассказе должна быть масса мелочей, деталей, без которых мир останется неживым, не запомнится. Детали создают ткань рассказа. А настроение рассказу придает стиль. Рассказ может быть грустным, веселым, может ужасать, заставляя задуматься, может даже изменить жизнь читателя. Но нейтральным, безразличным рассказ не должен быть никогда. Если автору все это удастся, то и рассказ получится.

Герои рассказов Г. Альтова были личностями, как сам автор: и звездный капитан Зорох, и добрый отшельник Антенна, и Панарин с Витовским, открывшие множественную память («Клиника “Сапсан”»), и Осоргины, отец с сыном, построившие уникальный корабль, использующий для движения энергию волн цунами ("Создан для бури").

\*\*\*

В Союз советских писателей писателя-фантаста Г. Альтова не приняли, хотя принимали, как известно, порой очень слабых авторов...

На заседании президиума СП Азербайджана у Альтова спросили:

– Почему вы все время о будущем пишете? Почему бы вам не поехать по республике, не написать о героях труда нашего, а не будущего времени? Хороший роман получился бы.

– Если такой, какие пишут здесь сидящие авторы, – ответил Альтов, – то лучше не надо. Вы думаете, это – литература?

Естественно, президиум проголосовал – против...

\*\*\*

После 1974 года Г. Альтов написал лишь несколько небольших фантастических рассказов для газеты «Пионерская правда», где он в течение нескольких лет вел страничку «И тут появился изобретатель». Однако исследовать фантастику Г. Альтов продолжал – с иных позиций.

В 1964 году Альтов обратился к коллегам по литературному цеху с письмом примерно такого содержания: «Чтобы понять, как генерируются научно-фантастические идеи, я начал собирать Регистр. Посылаю вам то, что удалось собрать – хотелось бы знать ваше мнение об этом начинании».

Среднестатистический ответ выглядел так: «Возмутительно извлекать из живого художественного произведения научно-фантастические идеи и классифицировать их. Создание художественного произведения – таинство»...

Это действительно таинство. Как был до поры до времени таинством труд изобретателя. Как во многом до сих пор является таинством любой творческий процесс. Из чего не следует, что тайна должна навеки остаться

нераскрытой. Чем тайна литературного творчества отличается от тайны изобретательства, тайны открытий в науке или тайны художественного отображения мира? Что общего в этих тайнах? Чем они отличаются друг от друга? И что нужно предпринять, чтобы раскрыть эти тайны?

В 1964 году создателю АРИЗ было уже ясно, что изобретательская деятельность человека осуществляется по определенным законам, которые можно выявить, изучая авторские свидетельства и патенты. Слишком смелая изобретательская идея становится идеей фантастической. Но если так, то научно-фантастическая идея (НФИ), как и идея изобретательская, может быть сконструирована с помощью определенных правил, законов, принципов. Каких? Если приемы изобретательства возникли как следствие изучения патентного массива, то приемы создания НФИ могут быть выявлены при изучении массива литературной фантастики.

На Западе в то время уже существовали энциклопедии фантастики (напр., Энциклопедии Николсона и Клюта), в которых описывались различные поджанры и направления, их история и структура. Однако и в этих достаточно полных энциклопедиях не было попыток описания и классификации конкретных идей. «Регистр научно-фантастических идей и ситуаций», работа над которым началась в 1964 году, стал первой попыткой классификации.

В Регистре собраны и систематизированы около 10 тысяч идей (новую фантастическую ситуацию можно, в принципе, приравнять к новой идее, поскольку она выполняет аналогичную функцию в произведении). Все собранные идеи были разделены на 11 классов. Каждый класс содержал идеи, разделенные на подклассы, группы и подгруппы, что позволило впоследствии, пользуясь однородным материалом, сформулировать основные приемы создания новых НФ-идей.

Г. Альтов писал в статье «Для чего нужен Регистр НФ идей»:

«Такого рода исследования – на всю жизнь (и не на одну жизнь). Эта работа требует сил большого творческого коллектива. Но кто бы ни вел такое исследование, он должен ясно себе представить цель работы и "что мы ищем". Ищем мы законы развития интеллектуальных, развивающихся систем».

Работа над Регистром была прервана в начале восьмидесятых годов – чрезвычайная занятость не позволяла автору ТРИЗ уделять классификации идей достаточного времени, и Регистр эпизодически пополнялся усилиями учеников Г. Альтова.

Даже и сейчас, когда русскоязычному читателю стали доступны практически все наиболее достойные произведения (и идеи) зарубежных

фантастов, как прошлых лет, так и наших современников, ценность Регистра для анализа НФ-идей не уменьшилась. Собранного в Регистре материала достаточно для более углубленного анализа, чем тот, что уже был проведен, и эта работа все еще ждет своего исполнителя.

Все годы, пока шла бесконечная по сути своей работа по пополнению Регистра новыми НФИ, Г. С. Альтшуллер не оставлял попыток опубликовать этот труд. О том, как относились к факту появления Регистра коллеги-писатели, я уже упоминал. Издателей, кроме того, отпугивал и огромный объем: к началу восьмидесятых годов Регистр содержал около 1300 страниц, отпечатанных на машинке.

К тому же, публикация одного лишь систематизированного списка НФИ не достигла бы цели, если бы одновременно не были опубликованы и разработки, основанные на изучении Регистра, включая курс РТВ со всеми методическими разработками и шкалу «Фантазия-2».

\*\*\*

В 1967 году Г. Альтов предложил провести всесоюзный опрос читателей фантастики – первый и последний не только в СССР, но и в постсоветской России. Опросы проводятся и сейчас, но обычно читателям задают один-два вопроса, связанных с той или иной фантастической тематикой. А универсального исследования, в ходе которого стало бы ясно отношение читателей к разным поджанрам фантастики и к целому ряду других проблем, связанных с развитием жанра, – такого исследования больше не было.

Г. Альтов составил анкету, включавшую три десятка вопросов, обращенных к читателям фантастики – какой из поджанров они предпочитают (приводился список), каких авторов (список включал все известные фамилии), нужен ли журнал фантастики, возможна ли фантастика без фантастических идей и так далее. Каждый из вопросов предусматривал несколько вариантов конкретных ответов – нужно было только подчеркнуть нужный.

Анкета содержала список из нескольких десятков книг советских писателей-фантастов – читатели должны были указать, понравилась книга или нет. Чтобы получить количественные оценки, Альтов придумал формулу: из числа плюсов (понравилось) вычиталось число минусов (не понравилось), а затем результат нужно было поделить на число читателей. Книгу, которую никто не читал, естественно, из рассмотрения исключали – нельзя ведь делить на нуль!

А для того, чтобы оценить «уровень шума» – выяснить, помнят ли читатели прочитанное, – Г. Альтов включил в список «контрольную книгу»:

автора и название, не существующие в природе. Так появились «Долгие сумерки Марса» некоего Н. Яковлева – название и фамилия достаточно типичные. Если читатель «проглатывает» книги, не очень задумываясь над содержанием, то вполне может и Яковлева «вспомнить»...

На ротапринте анкету размножили в количестве нескольких тысяч экземпляров (это тоже было проблемой в те годы – современной множительной техники не существовало, и надо было даже на текст анкеты получить разрешение Главлита, ведь речь шла о тиражировании печатной продукции!). Несколько месяцев спустя дома у Г. Альтова штабелем лежали заполненные анкеты, присланные из разных городов, от Владивостока до Минска, и мы переносили на отдельный лист крестики и черточки, считали и пересчитывали... Наконец, стало ясно, во-первых, что читатели не отдают предпочтения ни одному из поджанров фантастики. «Фантастика нужна всякая, – был сделан вывод. – Социальная вовсе не имеет преимущества перед научно-технической. У каждого поджанра есть свой читатель, и критики не должны говорить: такая-то фантастика советскому человеку нужна, а такая-то нет».

И еще: оказалось, что многие авторы, считавшиеся популярными, пишут произведения, вовсе не запоминающиеся! Несуществующий Н. Яковлев неожиданно оказался не в конце списка, как следовало ожидать, а в самой середине. Число людей, «прочитавших» это произведение, оказалось больше, чем тех, кто читал, например, считавшуюся классикой жанра «Планету бурь» А. Казанцева!

Ниже Яковлева в списке оказались не только Казанцев, Немцов и другие авторы фантастики ближнего прицела, но и кое-кто из писателей, очень популярных в середине шестидесятых. Когда результаты анкетирования были опубликованы, обиженными посчитали себя все писатели-фантасты, оказавшиеся ниже «уровня шума». Обижались почему-то не на себя – не смогли написать запоминающихся произведений! – а на Г. Альтова как на зачинателя и вдохновителя этого «гносного мероприятия».

Альтову было не привыкать. Незадолго до того он уже набил немало шишек, когда в течение двух лет руководимые им ребята из Клуба любителей фантастики при МГУ присуждали по итогам года премию за худшее произведение научной фантастики. Премия называлась «Гриадным крокодилом» (по печальной памяти «Гриаде» А. Колпакова – нам казалось, что ничего хуже в фантастике написать просто невозможно). Первый «Гриадный крокодил» был присужден книге М. Емцева и Е. Парнова «Падение сверхновой», второго получил А. Полещук за роман «Ошибка инженера Алексеева».

На «Гриадного крокодила» обиделись не только «лауреаты», но и вся элита фантастов – ведь каждый мог оказаться следующим!

\*\*\*

В 1986 году Генрих Саулович пришел к выводу, что слушателям трудно ориентироваться в море научной фантастики (без чтения которой невозможно развить воображение), если не снабдить их надежным «компасом» – шкалой оценки научно-фантастических идей. Такую шкалу мы и сконструировали в 1986 году, называлась она «Фантазия-2» (первый вариант был опробован на занятиях РТВ и оказался недостаточно эффективным).

Научно-фантастическая идея оценивалась по четырем критериям: новизне, убедительности, человековедческой ценности и художественному уровню воплощения идеи в произведении. А чтобы дать выход собственным пристрастиям, добавлялся пятый критерий: субъективная оценка.

Оценки НФ идей по этой шкале оказались вполне объективными – во всяком случае, самые разные читатели, обладавшие самыми разными познаниями в фантастике и самыми разными вкусами, давали той или иной идее приблизительно одинаковые оценки по 20-балльной шкале. Разброс обычно составлял не больше 1-2 баллов.

Изобретатели пользуются этой шкалой, а у большинства авторов-фантастов «Фантазия-2» вызвала активное неприятие. Идеи большинства советских фантастов оценивались по этой шкале невысоко, даже у очень популярных авторов не получали и 10 баллов. Как тут не обидеться – не на себя, естественно, а на авторов шкалы...

– Как можно, – говорили обиженные, – оценивать литературное произведение по каким-то баллам? Это же такие тонкие движения души...

– Почему, – отвечал Г. Альтов, – фигурное катание оценивать можно – и даже очень точно, – а научно-фантастическую идею оценить невозможно?

\*\*\*

Изучая авторские свидетельства, Г. Альтшуллер формулировал приемы изобретательства. Изучая идеи писателей-фантастов, Г. Альтов формулировал приемы создания новых идей. Поэтому вполне естественно появление очерков «Судьба предвидений Ж. Верна» («Мир приключений», Детлит, 1963), «Перечитывая Уэллса» («Эти удивительные звезды», Азернешр, 1966), «Гадкие утята фантастики» («Полюс риска», Гянджлик, 1970). Г. Альтов перечитал произведения классиков жанра и выделил

конкретные научно-фантастические идеи, проследив за тем, когда и как эти идеи были (если были) реализованы.

В очерке «Гадкие утята фантастики», посвященном предвидениям А. Беляева, Г. Альтов писал:

«Когда размышляешь над собранными в таблицу идеями и потом перечитываешь написанное Беляевым, начинают вырисовываться некоторые общие принципы.

Есть три типа идей:

1. Признанные идеи;
2. Идеи, не успевшие получить признания, но еще и не отвергнутые;
3. Идеи, осуществление которых считается невозможным.

...Гадкие утята фантастики прячутся, как правило, среди идей третьего типа. В сущности, гадкий утенок и есть "невозможная" идея, которая в будущем станет возможной».

История фантастики показывает: осуществляются и остаются в памяти читателей идеи именно третьего типа – невозможные, безумные, противоречившие (казалось бы!) в момент публикации науке, технике, а порой и здравому смыслу. Почему же осуществлялись такие идеи? Конечно, не по воле случая. Автор-фантаст, прогнозируя развитие той или иной научно-технической области, не боится *качественных скачков* – тех самых скачков, которых не умеет предвидеть футурология, от которых шарахаются ученые-прогнозисты, да и большая часть собратьев по перу, для которых фантастика – всего лишь сцена для разыгрывания увлекательных представлений.

Г. Альтов показал в своих очерках, что Ж. Верн, Г. Уэллс и А. Беляев ошибались чаще всего именно тогда, когда пренебрегали качественными скачками, когда проходили мимо безумных, как тогда казалось, идей. Безумной в свое время была идея человека-амфибии. Безумной была идея путешествий во времени. И даже идея летательного аппарата тяжелее воздуха («Властелин мира» Ж. Верна) выглядела безумной – между тем, до первых самолетов оставалась всего четверть века.

\*\*\*

Любимым литературным героем Генриха Сауловича был жюльверновский капитан Немо – человек-идеал. Одной из любимых книг – «Чайка Джонатан Ливингстон» Ричарда Баха. Чайка, совершившая прорыв в Неведомое, – это и сам Генрих Саулович Альтшуллер.

Май 2016 г.